

Научная статья

УДК 342.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-23-26>

EDN: <https://elibrary.ru/zajbar>

ИПОН: 2003-0059-5/25-370

MOSURED: 77/27-003-2025-05-569

Права человека: охрана и защита на конституционном уровне

Олег Николаевич Булаков

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Россия, bulakov62@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются конституционно-правовые механизмы охраны и защиты прав человека, их соотношение и функциональные различия. Обосновывается тезис о том, что «охрана» прав — преимущественно превентивная, нормативно-организационная деятельность государства и общества, тогда как «защита» — восстановительная и юрисдикционная деятельность, реализуемая через судебные и квазисудебные процедуры. Анализируются ключевые элементы конституционного уровня обеспечения прав: каталог прав и принцип их непосредственного действия, институциональные гарантии (конституционный контроль, омбудсмен, независимый суд), стандарты ограничения прав (легитимная цель, необходимость, пропорциональность), а также роль международных правовых ориентиров.

Ключевые слова: права человека, конституционные права, охрана, защита, пропорциональность, омбудсмен, конституционный контроль, цифровые права

Для цитирования: Булаков О. Н. Права человека: охрана и защита на конституционном уровне // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 23–26. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-23-26>. EDN: ZAJBAR.

Original article

Human rights: security and protection on the constitutional level

Oleg N. Bulakov

Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia, bulakov62@yandex.ru

Abstract. The constitutional and legal mechanisms for the protection and protection of human rights, their relationship and functional differences are considered. The thesis is substantiated that the «protection» of rights is mainly preventive, regulatory and organizational activities of the state and society, while «protection» is restorative and jurisdictional activities implemented through judicial and quasi-judicial procedures. Key elements of the constitutional level of rights are analyzed: the catalog of rights and the principle of their direct action, institutional guarantees (constitutional control, ombudsman, independent court), standards for restricting rights (legitimate purpose, necessity, proportionality), as well as the role of international legal guidelines.

Keywords: human rights, constitutional rights, security, protection, proportionality, Ombudsman, constitutional control, digital rights

For citation: Bulakov O. N. Human rights: security and protection on the constitutional level. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):23–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-23-26>. EDN: ZAJBAR.

Введение. Конституционный уровень представляет собой важную точку сборки системы прав человека. Именно на конституционном уровне определяются ценности, структура системы прав и свобод человека и гражданина, определяются ограничения и правовые механизмы как предотвращения нарушений (охрана прав человека), так и восстановления нарушенных позиций (защита прав человека). Сравнительно-правовой взгляд на конституционно-правовую основу охраны и защиты прав и свобод человека в России показывает как сближение стандартов, так и устойчивые различия, обусловленные институтами, политической историей и правовой культурой

[5, с. 112–118]. Отдельное внимание в статье уделено цифровым угрозам и трансформации классических доктрин под влиянием платформенной экономики и искусственного интеллекта.

Права человека в современной правовой системе часто оказываются заложниками формулы «провозглашены — значит обеспечены». Это опасная иллюзия. Конституция — не декларативная «витрина», а несущая конструкция (инфраструктура) всей системы прав: она задает ценностную иерархию, границы усмотрения власти, архитектуру гарантий, а главное — превращает права из моральных притязаний в юридически исполнимые требования [6,

© Булаков О. Н., 2025

с. 59–66]. Конституционный уровень важен по трем причинам:

1) *высшая юридическая сила*: права и свободы получают приоритет над обычным законом и административной практикой;

2) *системность*: Конституция связывает права с принципами (достоинство, равенство, правовое государство, разделение властей), без которых каталог прав распадается;

3) *гарантированность*: именно на конституционном уровне закрепляются «механизмы принуждения к правам» — независимый суд, конституционный контроль, процедуры жалоб, стандарты ограничений.

Теоретико-методологические рамки:

различие «охраны» и «защиты» прав человека

В юридической доктрине различие охраны и защиты прав продуктивно, поскольку переводит разговор из плоскости лозунгов в плоскость правовых технологий.

Охрана прав человека, на наш взгляд, это преимущественно превентивный и регулятивный режим. Его ядро:

- ♦ установление стандартов и запретов (что государству нельзя делать с человеком);
- ♦ институциональная профилактика нарушений (независимость суда, процедурные гарантии, прозрачность власти);
- ♦ организационные меры (доступность услуг, правовое просвещение, антикоррупционные механизмы);
- ♦ мониторинг рисков (оценка воздействия законопроектов и практик на права).

Защита прав человека представляет собой восстановительный и юрисдикционный режим, включающий:

- ♦ признание нарушения;
- ♦ прекращение нарушения; восстановление положения (*restitutio*);
- ♦ компенсацию вреда;
- ♦ привлечение нарушителя к ответственности;
- ♦ системные меры для недопущения повторения (общие меры по итогам судебных решений).

Важно при этом понимать, что чем эффективнее охрана, тем, соответственно, меньше приходится защищать нарушенные права и свободы человека и гражданина. И наоборот, чем «слабее» юридические механизмы, с помощью которых реализуется охрана, тем больше растет число жалоб и судебных исков

граждан, направленных на защиту нарушенных прав и свобод, что перегружает суды и превращает право в «постфактум-реакцию». Сильная охрана, напротив, делает защиту редкой, но эффективной [7].

Также следует отметить, что конституционная фиксация прав и свобод человека работает только тогда, когда права:

- а) сформулированы достаточно определенно;
- б) обладают непосредственным действием;
- в) обеспечены процедурами принудительной реализации.

Непосредственное действие означает, что суд (и иной правоприменитель) может и должен опираться на конституционное право, если профильный федеральный закон, например, отсутствует. Конституция РФ защищает права и свободы человека и гражданина не только провозглашенными в ее тексте конституционными правами и их гарантиями, но и самой конструкцией власти, установленной Конституцией РФ.

Независимый суд и справедливое разбирательство как «метаправо»

Право на справедливое судебное разбирательство представляет собой метаправо: оно обеспечивает доступ к защите всех остальных прав. В практическом смысле это:

- а) независимость и беспристрастность суда;
- б) состязательность и равенство сторон;
- в) мотивированность решений;
- г) разумные сроки;
- д) исполнимость судебного акта.

При защите прав и свобод человека важна исполнимость решений (в том числе судебных), без должного исполнительного производства, например, ценность вступившего в законную силу судебного решения о взыскании тех или иных денежных сумм будет снижена. В таких ситуациях защита нарушенных прав вырождается в «ритуал»: формально право признано, фактически — не реализовано, права не восстановлены. В этой связи важно отметить, что конституционное правосудие (или иной механизм конституционного контроля) выполняет три функции: во-первых, нормоконтроль (отсечение неконституционных норм); во-вторых, интерпретация (выработка конституционно-правового смысла норм, согласующего их с правами); в-третьих, стандартизация (формирование тестов и критериев (например, пропорциональности),

обязательных для правоприменения). Эффективным правовым инструментом является конституционная жалоба (в тех правовых порядках, где она развита): она связывает человека напрямую с национальной конституцией, минуя политические фильтры. Чем проще доступ к конституционной жалобе и чем яснее ее предмет, тем меньше «латентных нарушений» прав [4].

Отдельно следует сказать и об Уполномоченном по правам человека и специализированных омбудсменских институтах, которые важны как: «низкопороговый» (доступный) канал обращения; средство медиации и реагирования до суда; источник публичного давления и докладов; агрегатор системных проблем (что особенно важно для уязвимых групп).

Ограничение прав: конституционное понимание

Конституционные права и свободы человека не абсолютны (за редкими исключениями), и государство иногда вправе их ограничивать. Но именно здесь чаще всего и происходит злоупотребление: ограничение может подменяться «удобством» управления. Современный конституционализм выработал универсальную конструкцию ограничения прав (в разных странах — под разными именами, но логика едина):

- ♦ законность: ограничение вводится на основе закона;
- ♦ легитимная цель: безопасность, здоровье, права других и т. п.;
- ♦ необходимость: нет более мягкой меры, обеспечивающей цель;
- ♦ соразмерность (пропорциональность в узком смысле): баланс публичного интереса и ущерба праву.

Классическая либеральная модель делает акцент на негативных обязанностях (не вмешиваться). Но современное понимание прав включает и позитивные обязанности: государство должно организовать условия для реализации прав (например, доступ к суду, защита от домашнего насилия, обеспечение минимальных стандартов охраны здоровья, доступность образования). На конституционном уровне это выражается через:

- а) социальные права и принципы социального государства;
- б) обязанность государства защищать человека от нарушений со стороны третьих лиц;
- в) стандарты должной осмотрительности и эффективного расследования (в сфере насилия, дискриминации, злоупотреблений властью).

Практический критерий эффективности позитивных обязанностей: может ли человек добиться результата, а не просто услышать «право у вас есть» [1, с. 75–99].

Международные стандарты и конституционная идентичность: не конфликт, а система координат.

Международные документы (Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и др.) выполняют роль минимального стандарта и методологического ориентира.

На практике оптимальная модель выглядит так:

- ♦ Конституция — верхний уровень ценностей и гарантий;
- ♦ международные стандарты — калибровка и защита от регресса;
- ♦ национальные суды — «переводчики» стандартов в конкретные механизмы.

Опасность возникает, когда «суверенная» риторика начинает использоваться как универсальная отмычка для снижения стандартов. Суверенитет без прав — это просто суверенитет аппарата, а не общества [3].

Повестка будущего: как сделать конституционную защиту эффективнее

1. Цифровые права и алгоритмическое управление.

Конституционная система часто не успевает за практикой: решения о человеке принимаются скорингом, профилированием, автоматизированными системами, а право реагирует медленно. Значит, на конституционном уровне должны быть усилены (или прямо сформулированы) принципы:

- ♦ право на объяснение значимого автоматизированного решения;
- ♦ запрет дискриминации алгоритмами (включая косвенную);
- ♦ минимизация данных и пределы наблюдения;
- ♦ эффективная процедура оспаривания цифровых решений;
- ♦ независимый аудит государственных алгоритмов.

Сильная позиция: «цифровое удобство» не должно быть конституционной ценностью выше свободы и достоинства. В противном случае «умное государство» незаметно превращается в «наблюдающее государство».

2. Чрезвычайность как новая нормальность.

Пандемии, войны, миграционные кризисы, климатические угрозы расширяют пространство «исключений» в аспекте конституционной защиты прав и свобод человека (или ее невозможности). В будущем, на наш взгляд, главной задачей станет конституционное управление чрезвычайными обстоятельствами: четкие сроки, парламентский контроль, судебная проверяемость, запрет на неопределенные режимы, обязательная публичная отчетность об эффективности мер.

3. Экологические и климатические права.

Экологическая безопасность перестает быть «политикой» и становится вопросом базовых прав: жизни, здоровья, частной жизни, собственности. Конституционная фиксация экологических прав и обязанностей государства — не мода, а ответ на объективный риск.

Заключение. Охрана и защита прав человека на конституционном уровне — это не абстрактная ценностная декларация, а технологически выстроенная система, где: охрана минимизирует вероятность нарушения прав через принципы, стандарты и профилактику; защита обеспечивает восстановление прав через суд, конституционный контроль и эффективные средства правовой защиты; ограничения прав допустимы только в рамках строгого теста законности, необходимости и пропорциональности; институциональные гарантии (независимый суд, кон-

ституционный контроль, омбудсмен) — реальное «железо» прав; будущее требует конституционного ответа на цифровизацию, алгоритмическую дискриминацию и расширение режимов чрезвычайности. Если упростить данную мысль до одной фразы: конституция защищает права тогда, когда она ограничивает власть не словами, а работающими правовыми процедурами и конституционными механизмами.

Список источников / References

1. Grimm D. Constitutionalism: Past, Present and Future. Oxford : OUP, 2016.
2. Kelsen H. Wer soll der Hüter der Verfassung sein? // Die Justiz. 1931.
3. Möller K. The Global Model of Constitutional Rights. Oxford : OUP, 2012.
4. UN Global Compact. Human Rights Impact Assessment: a practical guide. Geneva, 2017.
5. Алексеев С. С. Теория права. М. : Норма, 2010 [Alekseev S. S. Theory of Law. M. : Norma, 2010].
6. Лапаева В. В. Правовое государство и права человека. М. : Норма, 2012. (Lapaeva V. V. The rule of law and human rights. M. : Norma, 2012).
7. Черепанов А. В. Позитивные обязанности государства в сфере прав человека // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 45. (Cherepanov A. V. Positive duties of the state in the sphere of human rights // Journal of Russian Law. 2019. № 7. P. 45).

Информация об авторе

О. Н. Булаков — профессор кафедры публичной власти и правового положения личности Института правоведения Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

O. N. Bulakov — Professor of the Department of Public Authority and the Legal Status of the Individual of the Institute of Jurisprudence of the Russian State University for the Humanities (RGGU), Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 17.09.2025; одобрена после рецензирования 24.09.2025; принята к публикации 02.10.2025.

The article was submitted 17.09.2025; approved after reviewing 24.09.2025; accepted for publication 02.10.2025.